

Слово при погребеніи Преосвященнѣйшаго Григорія, епископа
Пензенскаго и Саранскаго.

Христось воскрес!

Въ послѣдній разъ, благоч. христіане, собрались мы къ своему Отцу и Архипастырю; хотѣли бы еще разъ видѣть его привѣтливыя очи, слышать его ласковое, сладкое слово, освятиться его молитвами и благословеніемъ. Но, увы! Онъ навсегда смѣжилъ свои очи и заключилъ уста; безгласный и бездыханный лежитъ онъ во гробѣ. Уже онъ не пришелъ въ храмъ сей, а принесенъ руками іерейскими, уже не священнодѣйствуетъ, но самъ оказываетъ священнодѣйственныхъ молитвъ о себѣ. Еще часъ,—и земля сокроетъ отъ насъ самое тѣло его! Боже великій! для того ли Ты далъ Пензенской Церкви Архіерея мудраго, кроткаго, благаго и благопопечительнаго, чтобы такъ преждевременно отнять его? Для того ли въ продолженіе 12-ти лѣтъ ты возвращалъ и умножалъ нашу любовь къ нему, чтобы повергнуть насъ тѣмъ въ сильнѣйшую скорбь о его потерѣ?

Такъ, благоч. христіане! велика наша скорбь, потому что велика наша потеря: она равняется величію и тяжести епископскаго сана, которымъ облеченъ былъ почившій о Господѣ нашъ Отецъ и Архипастырь.

Что такое епископъ? Это стражъ дому Божіа—церкви, попеченію коего ввѣряются многія тысячи душъ, подѣ опасеніемъ страшной отвѣтственности. *Сыне чловчъ!* въ лицѣ пророка Іезекіиля говоритъ ему самъ Господь *стража дахъ ты дому Израилеву... крозе погибшаго твоею виною отъ руки твоея възышу* (Езек. III, 17). О, какъ много нужно епископу, чтобы не подпасть сему страшному опредѣленію! Нужно невѣжественныхъ наставить, немощныхъ подкрѣпить, скорбящихъ утѣшить, отчаявающихся возстановить вѣру и упованіе, развращенныхъ исправить, обуздать дерзость, привести въ чувство нераскаянность и ожесточеніе, и *быть всѣмъ для всѣхъ*, чтобы всѣхъ привести ко Христу, *да всяко нѣкія спасетъ*.

Чтобы все сіе свято исполнить, для сего Христосъ одѣкъ епископа званіемъ верховнаго учителя церкви. *Идите научите вся языки*, (Мѣ. XXVIII, 19) сказалъ ему въ лицѣ св. апостоловъ Господь Іисусъ Христосъ. Это не значить, что епископъ долженъ быть постояннымъ проповѣдникомъ съ кафедры церковной: и апостолы, вселенскіе учителя, не всѣ писали посланія. Учительство епископа—всегда и вездѣ. Знаемъ мы, почившій нашъ *учитель* и архипастырь, сколько трудовъ учительства предлежало тебѣ ежедневно въ собственной твоей пріемной горницѣ: всѣхъ приходящихъ къ тебѣ нужно было наставить и вразумить, однимъ дать отеческій совѣтъ, другимъ простерть слово обличенія, угрозы и наказанія, иныхъ подкрѣпить любовію и ласкою. А сотни священниковъ, которые проповѣдывали въ церкви, не подѣ твоимъ ли непосредственнымъ

указаніемъ, надзоромъ и руководствомъ проповѣдывали? а наблюденіе въ школахъ за преподаваніемъ закона Божія мало ли требовало ежегодно твоихъ учительскихъ трудовъ?

Власть духовнаго судіи, составляетъ новое тяжкое бремя епископскаго служенія. *Елика аще свяжете на земли, сказали епископамъ въ лицѣ св. апостоловъ Христосъ—Богъ, будутъ связана на небеси, и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесяхъ* (Мѣ. XVIII, 1). Не о внѣшнемъ судѣ надъ проступками и преступленіями лицъ духовнаго чина говоримъ мы, хотя и этотъ судъ есть бремя не легкое для епископа и требуетъ заботы, трудовъ и вниманія не малаго: есть еще другой внутренній судъ, судъ надъ совѣстями людей. Конечно, епископъ не принимаетъ исповѣди кающихся грѣшниковъ; но мы пресвитеры, ваши—слуш. благоч.—духовные отцы, къ кому должны были обращаться за разрѣшеніемъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, когда тяжесть грѣховъ исповѣдниковъ поставляла насъ въ страхъ и недоумѣніе, когда мы боялись и лишить тяжкаго грѣшника св. Таинъ, чтобы сатана окончательно не поглотилъ его, и преподать оныя недостойному, чтобы самимъ на страшномъ судѣ Господнемъ не поднасть грозному осужденію? Да, мы должны были идти и шли къ нему же нашему архипастырю и верховному духовному судіи: объясняли ему грѣховное дѣло безъ объясненія личности грѣшника, и всегда получали мудрый совѣтъ, наставленіе, разрѣшеніе. Не видно это бремя для мірянъ; но оно требуетъ истинно апостольской мудрости и опасства. Вотъ здѣсь-то и слышенъ

страшный голос пророка: *Всегда глаголюти ми беззаконнику смертію умреш: и невозвистиши ему, ни соглаголеши, еже останется беззаконнику и обратится отъ пути своего, еже живу быти ему: беззаконникъ той въ беззаконіи своемъ умретъ, крове же его отъ руки твоея възыщу* (Езек. III, 17).

Тако насъ да нещуетъ человекъ, яко слугъ Христо-выхъ и строителей таинъ Божіихъ, (1 Кор. IV, I.) говоритъ апостоль. Вотъ и еще бремя для епископа: онъ есть совершитель таинствъ. Правда, и всѣ священники совершаютъ таинства, кромѣ таинства священства: но всѣ они имѣютъ власть сію по-толику, поколику дается имъ она отъ епископа. Безъ епископа, безъ его воли и благословенія, не совершается никакое таинство: оттого-то и учить св. церковь, что гдѣ нѣтъ епископа, тамъ нѣтъ и церкви. Но бремя священнодѣйствія таинъ для почившаго епископа было сладкое и радостное бремя. Въ немъ одномъ находилъ онъ для себя подкрѣпленіе въ своихъ немощахъ и утѣшеніе въ своемъ многотрудномъ служеніи. Съ того дня, какъ вступилъ онъ на почву Пензенской паствы, онъ не опускалъ безъ своего богослуженія ни одного праздника и воскреснаго дня, если не былъ вынуждаемъ къ тому немощію тѣла;—часто священнодѣйствовалъ и во дни будничные; а субботніе дни, сверхъ того, сопровождалъ акаѳистнымъ чтеніемъ въ честь и похвалу Пресвятыя Богородицы. Давно начавшаяся и въ послѣднее время усилившаяся тяжкая болѣзнь не удерживала его отъ священнодѣйствія прежде-освященной литургіи въ великую среду страстной седмицы. Но эта была уже его послѣдняя литургія

на земли. Чувствуя совершенную невозможность священнослуженія, онъ со слезами долженъ былъ отказаться отъ блаженнодательнаго приобщенія Господней вечери въ великій четверъ и во всѣ послѣдующіе дни страстной седмицы и святыя пасхи; а съ четверга свѣтлой седмицы, таинствами елеосвященія и евхаристіи, которыя принялъ отъ своего духовника, началъ готовить себя къ исходу отъ сея жизни. И вотъ послѣ девятидневнаго страданія, понесеннаго съ христіанскимъ, скажу болѣе, съ ангельскимъ терпѣніемъ, онъ мирно предалъ духъ свой Тому, въ руцѣ Коего держава живота и смерти.

Таково, слуш. благоч., бремя епископскаго служенія и съ такою любовію и ревностію понесъ оное почившій нашъ Отецъ и Архипастырь! Подлинно онъ былъ Ангеломъ Пензенской церкви, какъ и называетъ епископовъ ангелами святое Слово Божіе. (Апок. II, 3.) Онъ былъ ангеломъ по своему сердцу, ангель по жизни, ангель по ревности о нашемъ спасеніи. Какъ ангель хранитель, онъ старался всѣхъ удержать на стезѣ правой вѣры и благочестія, глубоко скорбѣлъ душою, когда видѣлъ въ народѣ ослабленіе вѣры и добрыхъ нравовъ, и съ болѣзнію сердца смотрѣлъ на отступленія послѣдняго времени отъ строгихъ и спасительныхъ правилъ древняго православія и благочестія; лично же самъ не хотѣлъ нарушить уставовъ церкви въ отношеніи постовъ даже и тогда, когда болѣзнь видимо готовила ему могилу. Какъ ангель хранитель, заботясь о религіозно-нравственномъ преспѣянніи своей паствы, онъ неустанно пекся и о томъ, что-

бы подчиненные ему пастыри, какъ соратники на нивѣ Господней, были достойны своего призванія, и вотъ начало его неусыпныхъ заботъ объ улучшеніи духовно-учебныхъ заведеній; Онъ хотѣлъ начать воспитаніе духовенства съ воспитанія матерей семьямъ его; хотѣлъ отстранить для учащагося юношества все неудобства жизни на грязныхъ и бѣдныхъ квартирахъ, вредящихъ чистотѣ нравовъ; и вотъ имъ изобрѣтены средства—и устроено общежитіе; а училища дѣвицъ духовныхъ и два мужскія съ помощію тѣхъ же средствъ помѣщаются въ домахъ вполне благоустроенныхъ и удобныхъ, въ которыхъ не только есть приличное мѣсто для ученія, но и пріюты для дѣтскаго сиротства и бѣдности. Эти труды почившаго Владыки вѣчно будутъ жить въ сердцахъ епархіальнаго духовенства, составляя памятникъ ему, не сокрушимый временемъ.

Вотъ отчего, слуш. благоч., наша великая скорбь при видѣ сего гроба! Мы не увидимъ болѣе нашего Отца и Архипастыря, не увидимъ ни въ семь святомъ храмѣ, гдѣ обykle такъ часто видѣть его, ни въ его домѣ, ни въ школахъ и пріютахъ: одно общеніе къ нему осталось намъ общеніе молитвы. Но забудутъ ли когда пастыри и паства своего благопопечительнѣйшаго Архипастыря, ученики мудраго учителя, дѣти благочестнѣйшаго и любимого Отца?—Будемъ же молиться, чтобы Господь вчинилъ его въ обителяхъ праведныхъ вмѣстѣ съ великими святителями и учителями церкви и всеми святыми. Вѣруемъ, что и его святительскія мо-

отр

литвы будутъ всегда о насъ къ престолу Царя небеснаго.

Пройдутъ годы, и кто вѣсть—можетъ быть для нѣкоторыхъ и весьма малые, и мы отойдемъ въ тотъ же путь, коимъ отошла теперь душа почившаго Архипастыря, и надъ нашимъ тлѣющимъ прахомъ пропоютъ надгробную пѣснь. О, если бы хотя тогда удостоиться намъ узрѣть нашего Архипастыря въ царствѣ вѣчной славы и блаженства. Попечемся, братіе, сохранить цѣлость вѣры, чистоту ума и сердца,—облечемся въ одежду добродѣтелей христіанскихъ; и тогда почившій Отецъ и Архипастырь срѣтитъ насъ въ обителяхъ праведныхъ и съ дерзновеніемъ скажетъ о насъ ко Господу: *Се азъ и дѣти, яже далъ ми еси. Аминь.*

Протоіерей *Іаковъ Бурлуцкій.*